

STUDIA RELIGIOSA

PETER BROWN

THE WORLD
OF LATE
ANTIQUITY_____

AD 150–750

Thames and Hudson
London

1971

ПИТЕР БРАУН

МИР

ПОЗДНЕЙ

АНТИЧНОСТИ

150–750 ГОДЫ НАШЕЙ ЭРЫ

Новое
Литературное
Обозрение

2024

УДК 94(4/6)«150/750»
ББК 63.3(0)329
Б87

Редактор серии
С. Елагин

Научный редактор: канд. ист. наук О.В. Ауоров

Браун, П.
Б87 Мир поздней Античности: 150–750 гг. н.э. / Питер Браун; пер. с англ. С.А. Воронцова (главы 2–8, 11–16), Е.Ю. Решиковой (главы 1, 9, 10), М.Ю. Биркина (предисловие). — М.: Новое литературное обозрение, 2024. — 256 с.: ил. (Серия «Studia religiosa»)

ISBN 978-5-4448-2164-0

Период между 150 и 750 годами н.э. — эпоха, в которую навсегда исчезло казалось бы самые незыблемые античные институты. К 476 году в Западной Европе прекратила свое существование Римская империя, а к 655 году на Ближнем Востоке — Персидская империя. Ставшее уже классическим исследование Питера Брауна — это попытка понять, что отличало позднеантичный мир от классической античной цивилизации и как эти перемены предопределили разные пути развития Европы и Ближнего Востока. Автор исследует социальные трансформации и реакцию современников на них, чтобы ответить на один из ключевых вопросов мировой истории: как и почему средиземноморский мир около 200 года н.э. распался на три различных общества Средневековья — католическую Западную Европу, православную Византию и исламский Ближний Восток? Питер Браун (род. 1935) — один из основоположников позднеантичных штудий, профессор истории Принстонского университета.

УДК 94(4/6)«150/750»
ББК 63.3(0)329

Published by arrangement with Thames & Hudson Ltd, London
The World of Late Antiquity © 2000 Thames & Hudson Ltd, London
Text © 2000 Peter Brown

- © С.А. Воронцов, Е.Ю. Решикова, М.Ю. Биркин,
перевод с английского, послесловие, 2024
- © М.Ю. Биркин, комментарии, 2024
- © Д. Черногаев, дизайн серии, 2024
- © ООО «Новое литературное обозрение», 2024

Содержание

Предисловие	6
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ: ПОЗДНЕРИМСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ	
I. Общество	12
1. Границы классического мира: ок. 200 года н.э.	12
2. Новые правители: 240–350 годы	25
3. Восстановленный мир: римское общество в IV веке	38
II. Религия	53
4. Новое настроение: направления религиозной мысли, ок. 170–300 годов	53
5. Кризис городов: возвышение христианства, ок. 200–300 годов	66
6. Последние эллины: философия и язычество, ок. 260–360 годов	76
7. Обращение христианства, 300–363 годы	88
8. Новый народ: монашество и распространение христианства, 300–400 годы	104
ЧАСТЬ ВТОРАЯ: РАЗДЕЛ НАСЛЕДСТВА	
I. Запад	125
9. Западное возрождение, 350–450 годы	125
10. Цена выживания: западное общество, 450–650 годы	136
II. Византия	147
11. «Царствующий град»: Восточная империя от Феодосия II до Анастасия, 408–518 годы	147
12. Слава: Юстиниан и его преемники, 527–603 годы	161
13. Империи Востока: Византия и Персия, 540–640 годы	174
14. Смерть классического мира: культура и религия в раннем Средневековье	187
III. Новые участники	209
15. Мухаммед и возникновение ислама, 610–632 годы	209
16. «Сад под защитой наших копий»: позднеантичный мир под властью ислама, 632–809 годы	215
Библиография	226
От переводчиков	236
Хронология	244
Указатель имен	250

Предисловие

Эта книга — исследование социальных и культурных изменений. Я надеюсь, что, ознакомившись с ней, читатель получит представление о том, как и даже почему мир поздней Античности (примерно с 200 по 700 год н.э.) стал столь непохожим на «классическую» цивилизацию и как, в свою очередь, стремительные перемены той эпохи предопределили разные пути развития Западной и Восточной Европы и Ближнего Востока.

При изучении этой эпохи необходимо постоянно осознавать напряжение между изменениями и преемственностью, существовавшее в этом исключительно древнем и прочно утвердившемся мире вокруг Средиземного моря. С одной стороны, это то печально известное время, когда безвозвратно исчез ряд античных институтов, чье отсутствие для человека середины III века н.э. было просто невообразимо. К 476 году Римская империя прекратила свое существование в Западной Европе, к 655 году Персидская империя — на Ближнем Востоке. Писать о мире поздней Античности в духе меланхоличной истории «Заката и падения»¹ слишком просто: если смотреть со стороны Запада — это конец Римской империи, если со стороны Ирана — конец Сасанидской империи. С другой стороны, мы все больше осознаем те новые, удивительные истоки, которые связаны с этой эпохой: мы движемся в их направлении, чтобы выяснить, почему Европа стала христианской, а Ближний Восток — мусульманским. Мы стали высокочувствительны к «современному» характеру нового, абстрактного искусства той поры. Сочинения таких людей,

1. Отсылка к знаменитому труду Эдварда Гиббона (1737–1794): *Гиббон Э. Закат и падение Римской империи* / В 7 кн. М.: Терра, 2008 (прим. ред.).

как Плотин или Августин, удивляют нас, будто — как в какой-то необычной увертюре — мы уловили звуки столь многих мелодий, которые чувствительный европеец стал считать более «современными» и ценными, чем в своей собственной культуре.

Глядя на мир поздней Античности, мы оказываемся перед выбором, погрузиться ли в полную сожалений думу о древних руинах или воодушевленно восхвалять новый этап развития. Чего нам часто недостает, так это чувства того, каково было жить в том мире. Подобно многим современникам тех изменений, о которых написано ниже, мы становимся или крайними консерваторами, или истеричными радикалами. Римский сенатор мог писать так, будто он еще жил во времена императора Августа, а затем, как и многие в конце V века, очнуться, поняв, что в Италии уже больше нет никакого римского императора. В свою очередь, христианский епископ мог приветствовать бедствия варварских вторжений, как если бы они бесповоротно обратили людей от мирской культуры к Небесному Иерусалиму. Впрочем, делает он это все еще на латинском или греческом языке, неосознанно следуя образцам классической литературы. Наконец, его представления о вселенной, предубеждения и модели поведения по-прежнему выдают в нем человека, который еще крепко связан с семьью веками жизни Средиземноморья.

Как обратиться к великому прошлому, не «приглушив» изменения? Как меняться, не теряя своих корней? И прежде всего, что делать с чужаками среди вас — что делать с людьми, исключенными из традиционно аристократического общества, что делать с мыслями, которые не находят выражения в традиционной культуре, с потребностями, не артикулированными в общепринятой религии, с настоящими чужеземцами из-за границы. Это те проблемы, с которыми сталкивается любое цивилизованное общество. В эпоху поздней Античности они были в высшей степени насущными и требующими внимания. Я не могу представить себе, что читатель может быть настолько равнодушен

к образу античных Греции и Рима или к влиянию христианства, чтобы не стремиться прийти к какому-либо мнению о мире поздней Античности, в котором произошла радикальная трансформация греко-римской цивилизации и победа христианства над классическим язычеством. Однако мне следует пояснить, что, предоставляя свидетельства, я сконцентрировался на том, каким именно образом люди поздней Античности справлялись с проблемой перемен.

Римская империя раскинулась на обширных и непохожих друг на друга землях — изменения, которые она испытывала в эту эпоху, были сложны и многообразны. Они охватывают множество процессов, начиная с очевидных и хорошо документированных явлений, таких как, например, последствия войн и высокая налоговая нагрузка на общество в III–IV веках, и заканчивая глубинными и загадочными сдвигами, наподобие тех, что влияют на отношения людей к их собственному телу или ближайшим соседям. Потому я надеюсь, что читатель стерпит, если я начну первую часть этой книги с трех глав, где в общих чертах обрисовываются изменения в общественной жизни империи с 200 по 400 год, а затем вернусь, чтобы проанализировать те менее публичные, но столь же решительные перемены в религиозных воззрениях, случившиеся в течение того же промежутка времени. Я постарался четко обозначить те места, где считаю, что изменения в социальных и экономических условиях в жизни империи были тесно переплетены с религиозными трансформациями эпохи.

В течение всего рассматриваемого периода ареной основных изменений служили Средиземноморье и Месопотамия. По отношению к этим областям мир северных варваров оставался периферийным. Британия, Северная Галлия, как и дунайские провинции после славянских вторжений конца VI века, выходят за пределы моей компетенции. К Восточному Средиземноморью тяготеет само повествование, и его завершение в Багдаде Харун ар-Рашида более естественно, чем в далеком Ахене его современника — Карла Великого. Я надеюсь, что читатель (и особенно медиевист,

привычный к обзорам, уделяющим особое внимание возникновению западного постримского общества) простит меня, если я ограничусь обозначенным регионом. По Западной Европе у него уже есть надежные справочники, перед которыми мы оба в равной степени в долгу.

Никто не может отрицать тесной связи между социальной и духовной эволюцией в эпоху поздней Античности. Тем не менее просто по той причине, что эта связь настолько тесная, их взаимодействие не может быть сведено к простой причинно-следственной связи. Нередко историки только и могут сказать, что определенные изменения соотносятся таким образом, что одно не может быть понято независимо от другого. История мира поздней Античности, посвященная только императорам и варварам, солдатам, землевладельцам и сборщикам налогов, дала бы такую же бесцветную и нереальную картину сущностных характеристик той эпохи, как если бы рассказ уделял внимание лишь отшельникам, монахам, мистикам и великим богословам того времени. Читателю предстоит решать самому, поможет ли ему мой рассказ понять причины столь многих и разнообразных изменений, в соединении породивших очень своеобразный период европейской истории — эпоху поздней Античности.

Выверка этого текста стала возможной во многом благодаря бдительности Филиппа Руссо, чье внимание, как обычно, не ограничивается простой правкой дат и цитат. Появлением эта книга более всего обязана моей жене, с которой я давно рад разделять любопытство и особую чувствительность к эпохам перемен.

Илл. 1. Барочный век. Дерзкие арки и богатая резьба по камню свидетельствуют о постепенном отказе от классики. Этот театральный стиль служил тем фоном, на котором разворачивалась жизнь сообщества, ценивших выступления «звезд» и широкие публичные жесты. Типичный местный магнат, добившийся успеха, — император Септимий Север (193–211) — подарил родному городу Лептис Магна (Тунис) это и другие здания в подобном стиле. — Арки, окружавшие площадь форума. Форум в Лептис-Магне, II век. Ливия.

*Часть первая:
позднеримская революция*

I. Общество

1. Границы классического мира:

ок. 200 года н.э.

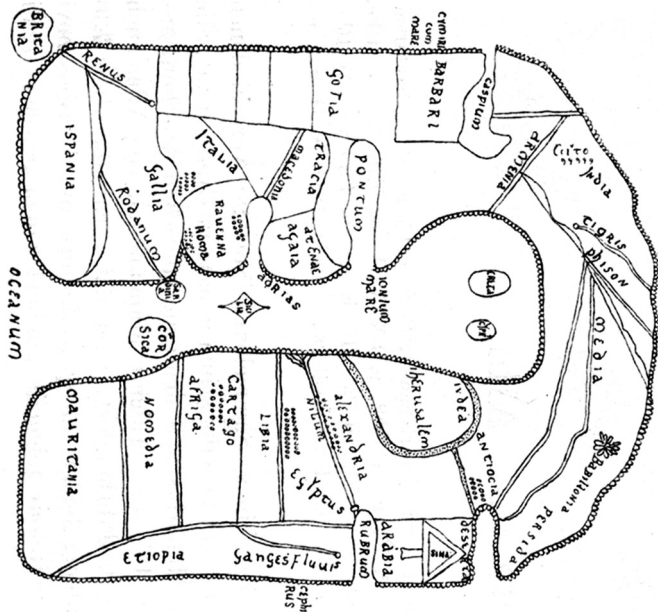
«Мы живем вокруг моря, — говорил Сократ своим афинским друзьям, — как лягушки вокруг пруда»¹. Семьсот лет спустя, в 200 году н.э., классический мир по-прежнему теснится вокруг этого «пруда» — он все еще был сосредоточен по берегам Средиземноморья. Центры современной Европы расположены далеко на севере и на западе относительно мира античных людей. Для них приехать в область Рейна — значило оказаться на «полпути к варварам»: один типичный южанин даже проделал весь путь из Трира назад в Павию, чтобы привезти домой тело своей умершей жены и похоронить ее вместе с предками!² Греческому сенатору из Малой Азии, отправленному наместником на Дунай, оставалось только посочувствовать самому себе: «Жители... влачат самое жалкое существование среди представителей рода людского, — писал он, — потому что они не выращивают олив и не пьют вина»³.

Римская империя простиралась ровно настолько, насколько во времена Республики и Ранней империи казалось необходимым, чтобы защищать и обогащать классический мир, к тому моменту веками существовавший по берегам Средиземного моря. В Римской империи эпохи ее расцвета во II веке больше всего поражает тот невероятный прилив средиземноморской жизни, чьи волны разошлись от побережья сильнее, чем когда бы то ни

1. Платон. Федон 109 В (*прим. пер.*).

2. Речь идет о Фабии Маяне и его жене Валерии Винценции, о которых известно из эпитафии II–III веков (*прим. пер.*).

3. Ср.: Дион Кассий. Римская история. XLVI. 39. 2–3 (*прим. пер.*).

Илл. 2. Лягушачий пруд. Карта из Альби VIII века помещает Средиземноморье в центр мира. Британия (слева сверху) представлена как маленькое пятнышко; но дельта Нила и Евфрат (снизу в центре и сбоку) изображены в подробностях. Из кн.: Miller, Konrad. *Die kleineren Weltkarten*. Stuttgart: N. p., 1895. P. 58.

было раньше. В Северной Африке и на Ближнем Востоке они никогда больше не будут простираться так далеко. Какое-то время офицерская столовая, созданная по образцу итальянской загородной виллы, выходила окнами на Грампианские горы Шотландии. Тимгад — подобный шахматной доске город с амфитеатром, библиотекой, статуями классических философов, взиравшими на горы Ходны, — раскинулся на ныне безжизненных землях в глубине современного Алжира. В гарнизонном городе Дура-Европос, на Евфрате, соблюдался тот же самый календарь общественных праздников, что и в Риме. Позднеантичный мир воспринял это изумительное наследие. Одна из самых больших проблем в период с 200

Илл. 3. Обременительное путешествие по земле. «Поскольку наш город расположен далеко от моря, — пишет житель Малой Азии IV века, — он не может ни избавиться от излишка, ни импортировать то, что ему нужно во время голода». Рельеф из Адамклицы (Trojaeum Traiani), 108–109 годы н.э. Фото: Cristian Chirita.

по 700 год: как по всей территории огромной империи сохранить тот образ жизни и культуры, который изначально возник на узкой береговой линии, усеянной классическими городами-государствами?

Прежде всего, классическое Средиземноморье — это мир, который всегда находился на грани голода. Ведь Средиземное море окружено горными цепями: его плодородные равнины и речные долины похожи на обрывки кружева, пришитые к мешковине. Многие величайшие города классического периода располагались у самого подножия неприступных гор. Каждый год их обитатели грабили окружающую сельскую местность, чтобы прокормить себя. Описывая симптомы широко распространенного в сельской местности во II веке истощения, врач Гален замечает: «Горожане, по обыкновению, собирали и откладывали достаточное количество зерна на весь грядущий год сразу после урожая. Они забирали всю пшеницу, ячмень, бобы и чечевицу, а то, что осталось, доставалось сельским жителям»¹. В этом свете история Римской империи — это история того, как 10 процентов населения, которые жили в городах и повлияли на ход развития европейской цивилизации, питались так, как описывает Гален, трудами остальных 90 процентов, пахавших землю.

Еда была самым ценным товаром в античном Средиземноморье. Еду нужно было привозить. Лишь немногие крупные города Римской империи могли рассчитывать на то, что окрестные территории смогут обеспечить их потребности. Рим долгое время зависел от прибытия из Африки кораблей с зерном; к VI веку Константинополь завозил 175 200 тонн пшеницы из Египта.

Во всех примитивных транспортных системах вода является тем, чем для современности стали рельсы: абсолютно незаменимым каналом транспортировки тяжелых грузов. Перевозка груза по морю или большой реке была

1. De probis pravisque alimentorum succis. Cap. 1 (Kühn C.G., ed. (1821–1833) Claudii Galeni opera omnia. Leipzig. Bd. 6. S. 749–750) (*прим. пер.*).

делом быстрым и недорогим; перемещение его по земле было невероятно медленным и разорительным. Дешевле было переправить корабль с зерном из одного конца Средиземного моря в другой, чем везти его еще семьдесят пять миль вглубь страны.

Итак, Римская империя всегда состояла из двух пересекающихся миров. Вплоть до 700 года н.э. большие приморские города были тесно связаны: двадцать дней безоблачного плавания — и путешественник попадал из одного конца Средиземноморья — центра римского мира — в другой. Вдали от моря жизнь римлян всегда имела тенденцию концентрироваться в маленьких оазисах — подобно каплям воды на подсыхающей поверхности. Римляне знамениты дорогами, соединявшими империю: но эти дороги проходили через города, жители которых добывали все, чем питались, и большую часть того, чем пользовались, в радиусе всего лишь 30 миль от места своего проживания.

Именно в глубине страны, по обочинам больших дорог огромные издержки империи были наиболее заметны. В постоянных попытках сохранить единство проявлялись самые неприглядные стороны Римской империи — жестокость и неповоротливость. Солдаты, администраторы, курьеры, их продовольствие должны были постоянно перемещаться из одной провинции в другую. С высоты императорского трона в 200 году римский мир представлялся как запутанная сеть дорог, на которой яркими точками выделялись перевалочные пункты, куда все местные сообщества должны были поставлять для содержания двора и армии в качестве налога с каждым разом все больше еды, одежды, животных и рабочей силы.

Но для тех, кто обслуживал эту машину, принуждение было не внове. В чем-то эти методы были так же стары, как сама цивилизация. В Палестине, например, Христос предупреждал своих слушателей, как следует себя вести, если чиновник «принудит тебя идти с ним (и нести его вещи) одно поприще» (Мф 5: 41). Само слово, которое евангелист

использует в значении «принудить»¹, изначально не было греческим: оно происходит из персидского языка, и на тот момент ему было уже более 500 лет — его использовали еще Ахемениды, когда применяли те же жестокие методы для обеспечения работы легендарных дорог своей огромной империи.

И все же Римская империя, которая к 200 году распозлзлась далеко за пределы Средиземноморья, сохраняла единство за счет иллюзии, что она все еще представляет собой очень маленький мирок. Редко когда судьба целого государства зависит от столь изящного трюка. К 200 году империей управляла аристократия удивительно единообразная в плане культуры, вкуса и языка. На Западе сенаторский класс оставался той устойчивой и «абсорбирующей» элитой, которая по-прежнему доминировала в Италии, Африке, на юге Франции и в долинах рек Эбро и Гвадалквивир. На Востоке вся культура и вся власть на местах оставались сконцентрированными в руках надменной олигархии греческих городов. В греческом мире не существовало таких различий в лексике или произношении, по которым можно было бы определить место рождения образованного оратора. На Западе говорившие на двух языках аристократы свободно переходили с латыни на греческий. Так, африканский землевладелец чувствовал себя вполне как дома в литературном салоне состоятельных греков в Смирне.

А между тем это впечатляющее единообразие поддерживали люди, смутно чувствовавшие, что существование классической культуры исключало существование какой-либо альтернативы их собственному миру. Как в случае с многими космополитическими аристократиями (будь то представители европейских династий эпохи позднего феодализма или аристократы Австро-Венгерской империи), люди одного класса и культуры в любой части римского мира чувствовали себя гораздо ближе друг к другу, чем

1. Греч. ἀναρῶ — принудить кого-то выступить гонцом; в широком смысле: дать поручение, реквизировать, принудить к службе (*прим. пер.*).

к подавляющему большинству своих непосредственных соседей — «недоразвитым» крестьянам. Существование «варвара» оказывало неявное, но неослабевающее давление на культуру Римской империи. «Варваром» был не только первобытный воин по ту сторону границы — к 200 году к этому внешнему «варвару» присоединился и внутренний, непричастный к римской культуре. Аристократ шествовал от одного форума к другому такому же, разговаривая на общем языке, соблюдая обычаи и нормы поведения, общие для всех образованных людей; но путь его простирался через территории, населенные соплеменниками, настолько же чужими для него, как, скажем, германцы или персы. В Галлии сельские жители все еще говорили на кельтском языке; в Северной Африке — на пуническом и ливийском; в Малой Азии в ходу были древние диалекты, такие как ликаонский, фригийский и каппадокийский; в Сирии говорили на арамейском и сирийском.

Правящие классы Римской империи, существуя бок о бок с этим колоссальным неассимилированным «варварским» миром, смогли по большей части избежать самых страшных форм высокомерия, свойственных современным колониальным режимам: римляне известны своей терпимостью к другим народам и местным культам. Но ценой, которую они требовали заплатить за включение в их собственный мир, было приспособленчество — усвоение римского образа жизни, традиций, образования, а также двух классических языков — латыни на Западе и греческого на Востоке. Те, кто не мог в этом участвовать, не принимались всерьез: их откровенно презирали как «мужланов» и «варваров». Тех, кто мог, но не хотел участвовать, — в первую очередь евреев — в разной степени ненавидели и презирали, изредка с оттенком уважительного любопытства к представителям древней ближневосточной цивилизации. Те, кто когда-то участвовал, но демонстративно «отпал», а именно христиане, подлежали казни по упрощенной процедуре. К 200 году многие провинциальные губернаторы и целые толпы народа уже не единожды имели повод с истерической уверенностью

броситься на защиту границ классического мира от внутренней угрозы — инакомыслящего христианина. Как сказал христианам один магистрат, «я не в силах выслушать человека, который дурно говорит о римской религии»¹.

Классическое общество около 200 года было обществом с жесткими границами. Тем не менее оно не находилось в состоянии застоя. Классическая традиция к этому моменту существовала в греческом мире уже около 700 лет. И первый всплеск ее творческой активности, случившийся в Афинах, не должен заслонять от нас тот впечатляющий ритм выживания, который устанавливается в греческой культуре со времен завоеваний Александра Великого: такой же протяжный, полный тонких нюансов и терпимый к повторениям, как григорианский распев. Очередное возрождение случилось во II веке н.э.; оно совпало с экономическим подъемом и восстановлением политической инициативы в высших слоях общества греческих городов. Эпоха Антонинов была золотым веком греческих софистов. Эти люди, прославившиеся своей преданностью риторике, были одновременно литературными знаменитостями и политическими и финансовыми тяжеловесами. Они обладали огромным влиянием и невероятной популярностью: один из них — Полемон из Смирны — «с городами говорил свысока, с властью имущими — непокорно, с богами — на равных»². За ними стояли процветающие города Эгейского моря. Гигантские античные руины в Эфесе и Смирне (да и другие современные им города и храмы, от Лептис-Магны в Тунисе³

1. Судя по всему, речь о словах проконсула Публия Вигеллия Сатурнина из «Актов скилитанских мучеников», см.: Акты скилитанских мучеников. 5 (*прим. пер.*).
2. Флавий Филострат. Жизни софистов/ Под общим руководством Е.Г. Рабинович. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2017. С. 182 (*прим. пер.*).
3. На самом деле руины города Лептис-Магна располагаются на территории современной Ливии, в 120 километрах к востоку от города Триполи. См.: *Brogan O.Ph.F., Wilson J.A. Lepcis Magna // Oxford Classical Dictionary. 2016. <https://oxfordre.com/classics/view/10.1093/acrefore/9780199381135.001.0001/acrefore-9780199381135-e-3651> (*прим. ред.*).*

до Баальбека в Ливане) представляются нам сейчас олицетворением не подверженного влиянию времени античного мира. На самом деле это барочное великолепие было создано всего за несколько поколений между Адрианом (117–138) и Септимием Севером (193–211).

И как раз в конце II — начале III века был собран тот запас греческой культуры, который обеспечивал устойчивость классической традиции на протяжении всего Средневековья. Именно в этот период были составлены энциклопедии, руководства по медицине, справочники по естествознанию и астрономии, которыми все культурные люди — латиняне, византийцы, арабы — пользовались на протяжении следующих полутора тысяч лет. Литературные вкусы и политические взгляды, просуществовавшие в греческом мире до конца Средних веков, впервые были сформулированы в эпоху Антонинов: знатные византийцы XV века все еще пользовались тем вычурным вариантом аттического диалекта греческого языка, который был введен в оборот софистами эпохи Адриана.

К этому времени греческий мир отождествил себя с Римской империей. Эта включенность в римское государство и едва уловимые изменения в расстановке акцентов, которые она влекла за собой, хорошо прослеживаются на примере одного грека из Вифинии: Дион Кассий, автор «Римской истории» (освещающей события вплоть до 229 года н.э.), став сенатором, присоединился к римскому правящему классу. Несмотря на то что Дион с большим энтузиазмом усвоил мировоззрение членов римского Сената, мы постоянно встречаем напоминания о том, что, когда империя пришла к грекам, просвещенный деспотизм был для нее привычным, веками существующим порядком. Дион знал, что римский император — самодержец. Единственное, что его сдерживало, — это уважение к приличиям и общность интересов с образованными высшими слоями общества — а не хрупкие механизмы политического устройства, созданные императором Августом. А Дион не понаслышке знал, насколько они могут быть

непрочными: он присутствовал на одном заседании Сената, на котором астролог обвинил неких «лысоголовых людей» в заговоре против императора... рука Диона тогда машинально потянулась ощупать макушку¹. Но Дион принимал сильную единоличную власть, поскольку она гарантировала ему упорядоченность мира: только император мог подавить гражданскую войну; только он мог поддерживать порядок в раздираемых распрями греческих городах; только он мог гарантировать безопасность и уважение тому классу, к которому принадлежал Дион. Византийские ученые, которые обращались к Диону несколько столетий спустя, чтобы получить представление о римской истории, совершенно терялись в его повествованиях о героях римской республики; но прекрасно могли понять сильных и добросовестных императоров его эпохи — римская история, написанная греком в конце II — начале III века н.э., уже была *их* историей.

Смещение центра притяжения Римской империи в сторону греческих городов Малой Азии, расцвет греческого мандарината — все эти особенности цветущей эпохи Антонинов уже указывают на Византию. Но современники Диона Кассия все еще упорно смотрели в другую сторону: они были убежденными консерваторами; их самый большой успех выражался в культурной реакции; для них границы римского мира все еще были четкими и неизменными. Такой человек, как Дион, не мог даже помыслить себе будущую Византию — цивилизацию, которая на фундаменте столь древней и обращенной в прошлое традиции смогла создать такие революционные новшества, как превращение христианства в официальную религию и основание Константинополя как Нового Рима. (Например, он и словом не обмолвился о существовании христианства, хотя христиане на тот момент докучали властям в его родной

1. Дион Кассий. Римская история. LXXVII. 8. 1 — 9. 1. У Диона идет речь о сенаторе, якобы слышавшем сон, который поведала местнику Азии Апрониану его кормилица: тот в ее сновидении стал императором (*прим. пер.*).

Илл. 4. В тени Персии. Римский император Валентинан показан как вассал, преклоняющий колена перед Шапуром I, который изображен преемником Дария и Ксеркса, что обосновывает его право на восточные провинции Римской империи. Рельеф в Бишапуре, вторая половина III века н.э.

стране уже более 150 лет.) Такая цивилизация могла появиться только в результате позднеримской революции III и IV веков н.э.¹

Сквозной темой этой книги является смещение и переосмысление границ классического мира после 200 года н.э. Эта тема практически не связана с традиционной проблемой «Заката и падения Римской империи». «Закат и падение» коснулись только политической структуры западных провинций Римской империи: культурный центр поздней Античности, находившийся на востоке Средиземноморья и Ближнем Востоке, не пострадал. Даже в варварских государствах Западной Европы VI и VII веков Римская империя, в том виде, в котором она сохранилась в Константинополе, все еще считалась величайшим

1. Аллюзия на книгу Рональда Сайма «Римская революция» (*Syme R. The Roman Revolution. Oxford: Clarendon Press, 1939*) (прим. пер.).

цивилизированным государством в мире, и называли ее древним именем — *Respublica* (см. с. 145–146). Самих же людей эпохи поздней Античности остро волновал совсем другой вопрос — болезненная проблема трансформации древних границ.

В географическом отношении влияние Средиземноморья ослабевало. После 410 года была оставлена Британия; после 480 года Галлия попала под твердую руку Севера. На Востоке, парадоксальным образом, Средиземноморье отхлынуло раньше и почти незаметно, но это оказалось решающим фактором. Вплоть до I века н.э. многие области Иранского нагорья внешне еще принадлежали к греческой цивилизации: греко-буддистское искусство в Афганистане переживало период расцвета, а эдикты буддийского правителя¹ в переводе на безупречный философский греческий язык будут обнаружены в окрестностях Кабула. Но в 224 году контроль над Персидской империей получила некая семья из Фарса (который можно назвать «Глубоким Югом» иранского шовинизма). И возрожденная Персидская империя этой (Сасанидской) династии быстро стряхнула с плеч греческий маскарадный костюм. Теперь на восточных рубежах Римской империи стояла эффективная и агрессивная империя, правящие классы которой были абсолютно невосприимчивы к западному влиянию. В 252, 257 и, еще раз, в 260 году великий шахиншах, царь царей Шапур I показал, сколь великий ущерб могут нанести его закованные в броню всадники: «Цезарь Валериан выступил против нас с семьюдесятью тысячами человек... и мы сразились с ним, и взяли Валериана Цезаря своими руками... И провинции Сирии, Киликии и Каппадокии мы пожгли огнем, мы разорили и покорили их, захватив в плен их народы»².

1. Судя по всему, П. Браун имеет в виду эдикты Ашоки (268–232 годы до н.э.) (*прим. пер.*).
2. Надпись Шапура на «Ка'бе Зороастра». ŠKZ. III.3. Браун использовал следующее издание: *Sprengling M. Third Century Iran, Sapog and Kartir. Chicago: University of Chicago Press, 1953. P. 16 (прим. пер.)*.